

ТУПИКИ ПЕРИОДИЗАЦИИ, ИЛИ ПЕРИОДИЗАЦИЯ В ТУПИКЕ

И.Н. Данилевский

Обязательным предварительным условием познания чего бы то ни было является разделение познаваемого объекта на "составляющие" (независимо от того, существуют они реально или же выделяются условно) и их "правильное" наименование. В истории такое ритуальное расчленение именуется, как известно, периодизацией. Необходимость и научная ценность периодизации как метода научного изучения прошлого ни у кого не вызывает сомнения. Однако в самом историческом процессе сколько-нибудь очевидные границы, отделяющие один этап развития общества от другого, как правило, отсутствуют.

Как известно, дискретность, "разорванность" - универсальное свойство времени физического. Несмотря на это, и здесь определить границы периодов, на которые распадается непрерывность его течения (качество вторичное), не так-то просто. Сменяющие друг друга события-состояния сколь похожи, столь и различны между собой. Указать точно, на котором из них кончается один и начинается другой этап процесса, можно лишь условно, конвенционально. Тем более это касается времени исторического, природа которого - иная. Наверное, поэтому, споры о том, какие стадии в эволюции данного сообщества *следует* выделять, не имеют (да и не могут иметь) конца. При этом договариваться приходится не по одному, а по множеству далеко не простых вопросов.

Первый из них — *что именно периодизируется!* Кажется, ответ очевиден: история. Стоит, однако, задуматься, об истории *чего* идет речь, - и тривиальность этого вопроса исчезает. Если подразумевается история государства (а именно она всегда была в центре внимания отечественной историографии с момента зарождения оной), то сразу следует уточнить, какого именно.

Возьмем, к примеру, историю нашей страны.

Думаю, на уровне обыденного мышления каждый, прочитавший предыдущую строку, совершенно однозначно понял мысль автора. Вряд ли, однако, кто-либо сможет на формально-логическом уровне заменить не вполне определенное словосочетание "наша страна" каким-нибудь ученым термином. Это, пожалуй, столь же трудно (если вообще возможно), как и строго научно доказать, что, скажем, Древнерусское государство, Московское царство, Российская империя, Союз Советских Социалистических Республик (или, хотя бы, РСФСР) и современная Российская Федерация - разные периоды существования *одного и того же* государства. Они, несомненно, различны, хотя что-то их, столь же несомненно, и объединяет¹. Хотелось бы лишь знать: что именно? И как это самое "что-то" продолжает сохраняться в условиях XII-XV вв., когда ни одно из государств Восточной Европы не может, кажется, безусловно претендовать на то, что именно оно является полноправным преемником Киевской Руси и, в то же время, непосредственным предшественником Русского (Российского, Московского) царства конца XV-XVII вв.?

И это еще не все. Интересно, под какое из современных "словарных" определений государства подпадает Киевская Русь? Отсутствие в этом социальном образовании классов, а, следовательно, политики как таковой, границ (в нашем смысле слова), единого "территориального", правового, экономического, культурного, языкового и т.п. пространств ставит его *вне* подобных определений. Хотя, пожалуй, никому и в голову не придет сомневаться в том, что государством оно все-таки было...

Если же требуется периодизация истории этноса, то желательно было бы договориться, какого именно? Как правило, "по умолчанию", речь идет о русском народе ("русская история"). Однако и в этом случае трудно установить, с какого времени можно с достаточной долей уверенности говорить о таком этносе, как, впрочем, и то, *что* он собой представляет.

Поясню свою мысль. Первым великороссом, выходящим на историческую арену, В.О. Ключевский назвал Андрея Боголюбского². Это высказывание, кажется, никто никогда не оспоривал. Действительно, с ним трудно не согласиться, хотя русские как таковые (отличающиеся от украинцев/малороссов и белорусов) появятся, как известно, не раньше XVI в. Из этого, однако, следует, что, по крайней мере, до XII в. о великороссах говорить не приходится. Да и происхождение их тогда весьма далеко от хрестоматийных восточных славян. Напомню: среди ближайших семи-восьми поколений предков Андрея Юрьевича можно найти половцев, греков, шведов, англо-саксов, но не славян. При этом, правда, известный антрополог В.В. Гинзбург считал, что череп знаменитого владимирского князя типичен именно для... славянских погребений XII в.³

Так что периодизация истории народов, подобно периодизации истории государств, - дело если и не безнадежное, то чрезвычайно сложное и в значительной степени условное.

Конечно, речь может идти об экономическом развитии. Уж о его-то периодизации известно, кажется, все. Кто из нас успел забыть о производительных силах, производственных отношениях, базисе и надстройке? При всех недостатках теория общественно-экономических формаций была чрезвычайно удобна и действенна. По определению замечательного философа М.К. Мамардашвили, она - "чистый кретинизм", "до предела упрощенная концепция" - позволяла "запахнуть весь мир в самую маленькую головку, в полуатрофированный мозг человека, не желающего сделать даже усилия, чтобы попытаться думать; а тут - пожалуйста: весь мир в вашем распоряжении без малейшего усилия с вашей стороны. И что удивительно - весь мир с удовольствием лезет в эту схему"⁴. Последняя фраза, правда, представляется некоторым преувеличением: очевидно, речь может идти только обо всем европейском, а еще точнее, о западно- и, отчасти, центральноевропейском мире. Прочие "миры" - в том числе и Россия - не то, что с "удовольствием", но, кажется, вообще в нее "не лезли".

Так, скажем, только прикладывая солидные усилия (т.е., попросту, насилия материал), советским историкам, опиравшимся на указания И.В. Сталина, С.М. Кирова и А.А. Жданова, удалось "вписать" в феодальную формацию древнюю Русь (хотя дальше "раннефеодальной" стадии она, кажется, так до XVII в. и не продвинулась - как еще можно охарактеризовать военно-политические объединения, не имевшие сколько-нибудь серьезной экономической основы?). Да и то, тут же приходилось заниматься "разъяснительной работой", растолковывая, почему, к примеру, В.И. Ленин старательно избегал упоминать феодализм, когда говорил о Руси, хотя и имел его якобы при этом в виду⁵.

Кроме того, применение единой для всех обществ "гребенки" общественно-экономических формаций, наряду с прочими сложностями⁶, порождало, видимо, неразрешимые противоречия. В частности, остается неясным, какую роль играли экономические отношения в обществах, аэкономичных по своей сути. Пожалуй, наши представления о "нормальной", "классической" экономике столь же совместимы с "моральной экономикой" российского крестьянства, как "здравый смысл" современного европейца или американца с представлениями жителей Центральной Африки или аборигенов Австралии о логике поведения *нормального* человека.

Другой, не менее важный вопрос - проблема *критериев периодизации*. Очевидно, использование единых оснований для выделения периодов в развитии разных обществ априорно подразумевает возможность поэтапного сравнения анализируемых социальных организмов. Между тем эти сообщества могут быть принципиально различными. Периодизации же, основанные на общих критериях, пользующиеся универсальной терминологией, могут сыграть в таких случаях роль "ложных друзей переводчика", вводя исследователя в заблуждение уже тем, что будут создавать (и создают на практике!) видимость сравнимости. Историки, "одинаково" периодизирующие, и, следовательно, срав-

ливающие истории разных стран (народов? государств?), оказываются сплошь и рядом в положении биологов, один из которых занимается возрастными метаморфозами чешуекрылых, а другой - рептилий. Они пытаются сравнивать "этапы" развития бабочки с "этапами" развития крокодила и размышляют при этом, является ли отсутствие стадий гусеницы и куколки в развитии крокодила нарушением "нормы", либо же отклонением от нормального хода вещей является наличие этих этапов развития у бабочки.

Скорее уже периодизация в подобных ситуациях может выступать в качестве критерия отбора сообществ, которые вообще можно сравнивать: такие социумы должны иметь, видимо, одинаковые "наборы" и последовательности этапов развития.

Дополнительные сложности в периодизацию вносит давно и хорошо известное, но чрезвычайно слабо изученное явление асинхронности. История — сложная система, каждая из составляющих которой имеет свой ритм развития, а следовательно, и свою периодизацию. Она - как часы, каждое колесико которых имеет свой период оборота, но ни один из них не совпадает с периодом оборота Земли вокруг своей оси, либо вокруг Солнца, хотя последние и измеряются ими (или, точнее, циклами их взаимодействия). Асинхронность социальных процессов ставит под вопрос возможность создания абсолютной, универсальной периодизации даже для одного, отдельно взятого общества.

Одним из следствий подобных сложностей и недоговоренностей является общепринятая периодизация истории России, которая противоречит всем формально-логическим законам. Вслед за неким этапом развития этноса (типа: "Восточные славяне накануне образования государства"⁷) в ней следует пара периодов в истории государственных структур (скажем, "Древнерусское государство" и "Период раздробленности на Руси"); их сменяет длительная стадия, связанная с изменением внешнеполитической ситуации (к примеру, "Русь и монголы"), причем под "Русью", которой тогда как единого целого к тому же не существовало, уже понимается лишь часть земель, включавшихся в это понятие в предыдущих разделах и т.д., и т.п.

Тем не менее без периодизации, как уже было сказано, не обойтись. Надо, видимо, лишь отказаться от мысли, что качественно различные этапы в развитии общества, которые мы выделяем, - объективный атрибут исторического процесса. Скорее, это - ценностная характеристика последовательных ступеней исторического развития, придаваемая им познающим субъектом. Выделение же таких стадий - метод исследования, который в каждом конкретном случае должен быть удобен и сообразен стоящим перед историком задачам. В принципе, он, видимо, подходит под определение формально-логической операции классификации (со всеми вытекающими отсюда формально-логическими последствиями). Выделяемые периоды должны объединять события и процессы, которые рассматриваются как типологически однородные и отличаются по каким-то существенным признакам от со-

бытия и процессов как предшествующего, так и последующего этапов развития. При этом должны быть категорически исключены случаи, когда каждый период имеет *свой* периодизируемый объект и *свои* критерии вычленения.

В качестве основания периодизации при таком подходе, как представляется, больше подходит не степень общественного разделения труда, характеризующая уровень развития производительных сил (он, как хорошо известно, может быть приблизительно одинаковым у совершенно различных обществ - иначе, например, у современной России никакого реального выбора пути дальнейшего развития не было бы), а ценностные ориентации общества.

Именно базовые ценности, те *значения* и *смыслы*, которые сплачивают, объединяют людей в данный "момент" развития, определяют восприятие ими окружающего мира на данном промежутке времени и руководят их поступками, существенно (и сущностно) различают состояния общества. Именно они, а не "объективные" условия существования, непосредственно определяют поведение людей. Общественные кризисы всегда связаны с разочарованием в прежних системах ценностей. То, что еще совсем недавно было исполнено значения, имело, казалось, непреходящий смысл, вдруг становится пустым и никчемным. При этом, естественно, изменяется не столько окружающая реальность, сколько сами люди, системы их восприятия и представлений. Они сами отнимают смысл у того мира, который существовал прежде и - по большей части - еще долго продолжает существовать в их собственном сознании. Однако если раньше он представлялся нормой, единственной "объективной" реальностью, то теперь чаще всего вызывает раздражение, стремление уйти от него. Именно поэтому в переходные годы появляются теории, с помощью которых люди пытаются по-новому структурировать реальность, наполнить ее новыми значениями и смыслами. Для обществ, в которых определяющее значение в духовной жизни играет религия, это - время формирования большого числа ересей.

Примером в истории нашей страны могут служить до сих пор по существу не замечаемые, но, судя по всему, игравшие колоссальную роль в обществе, эсхатологические идеи. Ожидание грядущего конца света в 6537, 7000, 7007, 7070, 7077, 1666⁸ и, возможно, других годах играло, несомненно, ведущую роль в регуляции общественного поведения и социальных настроений. Именно эти даты, видимо, были рубежами, которые могли реально влиять на изменение условий жизни русских людей.

Крушение прежних систем ценностей ведет к Смуте, к появлению "потерянных поколений", которые выпадают из *нормальной* жизни как прошлого, так и будущего. Видимо, появление их может служить одним из внешних признаков перехода в новый этап развития. Однако "потерянные поколения" — не более, чем признак, *симптом*, но не основание периодизации. Тем не менее, быть может он позволит "поймать" ускользающий от исследователя момент перехода общества из одной стадии развития в другую?

Проблема периодизации имеет еще один, так сказать, скрытый от ученых глаз, аспект. В нее, периодизацию, "упирается" массовое историческое образование. Учебник истории - ее систематическое (т.е. в данном случае хронологически последовательное) общепринятое изложение - в основе своей имеет как раз периодизацию. Если же общепринятой периодизации нет - фактически не может быть и учебника: он превращается в изложение набора разрозненных фактов.

Идейно-теоретические кризисы вообще наиболее болезненно бьют по учителю-историку. На школьном педагогическом поприще его коллеги-"естественники" в гораздо меньшей степени зависят от идеологической конъюнктуры, а "академические" коллеги-гуманитарии (в частности, историки и философы) могут на неопределенный период взять тайм-аут, чтобы спокойно разобраться в существе дела, "примерить" на конкретный материал новые теоретические подходы. Учитель же истории должен, несмотря на все сложности, недоумения и недоразумения, ежедневно входить в класс и продолжать объяснять юным гражданам страны то, что пока не понятно академиком.

Отказ - хотя бы внешний - от марксизма (реально "отречься" от него гораздо сложнее, если вообще возможно: основы этой теории "заложены" в каждого из нас с детства почти намертво) заставил учителя срочно искать паллиатив, способный хотя бы в какой-то мере компенсировать эту тяжелейшую методологическую и - что для школы особенно важно — методическую потерю. Вероятно, именно поэтому такой популярностью в учительской среде сегодня пользуются теоретические и квазитеоретические работы самого различного (чаще всего, весьма сомнительного) качества. Долг "академических" историков -помочь своим коллегам, предоставить им необходимую научную поддержку. Именно поэтому, как представляется, дискуссия по проблемам периодизации имеет не только чисто теоретический интерес, но и большое практическое значение.

¹ Приведу в связи с этим весьма симптоматичное высказывание В.О. Ключевского: "Припомните, как вы изучали явления нашей истории XII и XIII вв. на гимназической скамье, т.е. как они излагаются в кратком учебном руководстве. Приблизительно до половины XII п., до Андрея Боголюбского, внимание изучающего сосредоточивается на Киевской Руси, на ее князьях, на событиях, там происходивших. Но с половины или с конца XII в. внимание ваше довольно круто поворачивалось в другую сторону, на северо-восток, обращалось к Суздальской земле, к ее князьям, к явлениям, там происходившим. Историческая сцена меняется как-то вдруг, неожиданно, без достаточной подготовки зрителя к такой перемене. Под первым впечатлением этой перемены мы не можем дать себе ясного отчета ни в том, куда девалась старая Киевская Русь, ни в том, откуда выросла Русь новая, верхневолжская. Обращаясь ко второму периоду нашей истории, мы должны начать с объяснения того, что было виною этой перестановки исторической сцены. Отсюда первый вопрос при изучении второго периода - когда и каким образом масса русского насе-

- ления передвинулась в новый край" (*Ключевский В.О* Курс русской истории-ч. I // Соч. М. 1987. Т. 1. С. 276).
- ² Там же. С. 325.
- ³ *Гинзбург В.В.* Андрей Боголюбский // Краткие сообщения ин-та ист. мат. культ. АН СССР. М., 1945. Вып. II.
- ⁴ *Мамардашвили М.К.* Мысль под запретом: Беседы с А. Эпельбуэн (окончание) // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 103.
- ⁵ См., например: *Черепнин Л. В.* Некоторые проблемы истории русского феодализма в трудах В.И. Ленина // Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981. С. 25-53.
- ⁶ О них см., например: Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М., 1975 и др.
- ⁷ У разных авторов, естественно, наименования периодов и их хронологические рамки могут варьировать, но суть выделенных этапов в развитии Руси-России остается, как правило, неизменной.
- ⁸ Подробнее см.: Древние русские пасхалии на осьмую тысячу лет от сотворения мира//Православный собеседник. Казань, 1890. Ноябрь. С. 331-356; *Казакова Н.А., Лурье Я. С.* Антифеодалные еретические движения на Руси XIV - первой половины XVI вв М.; Л., 1955; *Данилевский И.Н.* Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история. 1995. № 5. С. 101-110 и др.